

торый, по словам Новицкого, «известный происходившими в оном частыми разбоями» [112, № 40].

Вообще же о путях сообщения нужно заметить, что ими Убыхия была очень бедна. Дороги в подавляющем большинстве являлись выучными тропинками. Убыхи почти не пользовались арбой, ее заменяли выучные животные [120]. Обвалы портили дороги, частые ливни останавливали путников на время, пока вода в реках не примет нормального уровня³. Бездорожье затрудняло развитие межобщинных связей. Через речки устраивались деревянные мосты. Часто они заменялись поваленным через реку деревом [13, с. 663]. Первый же подъем воды обычно сносил такой до предела упрощенный мост, и на его место бросалось новое дерево. Но на главных коммуникациях убыхи, не удовлетворяясь простейшими сооружениями, воздвигали настоящие мосты. Вот как описывает один автор мосты на реках Ажек и Агуа: «Мост состоял из цельных древесных стволов, положенных с каждого берега оврага, врытых концами в землю и заклиненных. Деревья сходились над серединой речки и подхватывались снизу подушками, в концы которых врублены были вертикальные стойки. На стойки насажены были длинные тонкие жерди, сделанные из крепкого и гибкого дерева, также утвержденные концами в берегах. Поверх бревен уцелело несколько досок составлявших, вероятно, часть мостовой настилки. Пила здешним горцам, по-видимому, не была известна, и они приготавливали доски, колотые из каштанового или другого хорошо раскалывающегося дерева; по крайней мере нигде в аулах южного склона мне не попался пиленный лес. Мостик этот очень эластичен; на скрепления его не пошло ни кусочка железа, и вся работа, как видно, была произведена топором» [115, № 11, с. 175–176]. Очевидно, существовали и висячие мостики, зарегистрированные Ф.Ф. Торнау у соседних мдажвие. Такие мостики делались из досок (очевидно, также колотых) и виноградной лозы, связанных веревками. Несмотря на их кажущуюся воздушность, ими пользовались не только пешеходы, но и верховые [143, ч. II, с. 43].

Тип поселения и жилище

Своеобразную картину представляли собою убыхские поселения. Селений в нашем смысле слова не существовало. По долинам рек были разбросаны там и сям отдельные дворы с прилегающими к ним садами и нивами. Характерно, что убыхское слово «селение» (*куэи*) сохраняет значение и «двора» [49, 4, с. 130]. Еще Ю. Клапрот замечал, что «убыхи не живут в деревнях, но рассеяны по лесу по 3–4 дома» [78, с. 463 (ср. 58),

³ См., например, о неудобствах самого лучшего пути – побережного, описанных у А. Фонвилля [160, с. 17–18].

р. 198], а А. Фонвилль, лично побывавший в Убыхии в 1863–1864 гг., говорит: «Мы не встречали в этой стране не только города, но даже ни селения, ни деревушки; оказалось, что ничего подобного и не было там; аулы же разбросаны по горам, на различных расстояниях один от другого. Все аулы, расположенные в одной долине, составляли общины и обозначались названиями долины» [160, с. 22]. Если приведенное описание наводит на мысль о наличии в XIX в. еще недостаточно оформившихся поселений типа сельской общины, то другое описание того же автора, относящееся к селению Исмаил-бея Дзепша, говорит очевидно о поселении типа разлагающейся родовой общины. А. Фонвилль пишет: «Как и все черкесские (убыхские. — Л.Л.) аулы, (аул Исмаил-бея. — Л.Л.) состоял из дюжины низеньких домов, расположенных без всякой симметрии внутри ограды, запертой непроницаемыми заборами. Несколько толстых палисадников разделяли эту ограду на отделения, разделенные между собою таким образом, что для того, чтобы пройти из одного отделения в другое, нужно было эскалadirовать эти особого рода баррикады. В каждом ауле непосредственно у ворот ограды находилась гостиница (кунацкая. — Л.Л.) [160, с. 11]. Если внутренние перегородки между дворами этого селения говорят о какой-то степени раздельности имущества, то общая ограда и, особенно, общая кунацкая, кажется, позволяют предполагать о наличии в данном случае родового поселка.

Дворы огораживались частоколом, а иногда его заменял толстый вал из веток и палок [13, с. 428]. Об убыхских жилищах у нас сохранились очень скудные данные. Они «были построены из хвороста и смазаны глиною; лишь некоторые зажиточные крестьяне и князья строили себе дома из досок, и то всегда в один этаж. Дом состоял из двух отделений: в одном жило семейство, скученное в одной комнате, в другом, привязывалась любимая лошадь» [117, с. 46]. Последнее следует приписать вымыслу. О кунацкой в селении Исмаил-бея Дзепша А. Фонвилль сообщает: «Земляной пол, стены из глины, крыша, покрытая дырjавыми планками, сквозь которые можно было считать звезды на небе» [160, с. 11]. И.О. Орехов кратко говорит об одной постройке на Убых-пыхоа, случайно уцелевшей от пожара 1864 г., «состоявшей из 2-х комнат: одной просторной, с лавками у стен и с очагом, бывшей, вероятно, кунацкой, или гостиной какого-нибудь узденя (куашха. — Л.Л.); другой поменьше, с тахтою и привешенными к потолку полками, имевшей, кажется, назначение спальни. В кунацкой, под лавками, стояло несколько совсем новых, крашенных сундуков, окованных железом и обитых медными гвоздиками... Кровля нашей и большинства прочих саклей была тесовая, низко спущенная к земле, так что оставляло снаружи проход, закрытый от дождя. Вместо окон были четырехугольные отверстия, закрывавшиеся ставнями. Стены сакли плетеные, смазанные глиною» [115, № 11, с. 172].

Этот же автор говорит о папоротнике как о главном материале для крыш в каком-то селении в верховьях р. Мацесты [115, № 12, с. 357].

Дома племенной знати отличались от домов рядовых общинников размерами и богатством внутреннего убранства. П. Невский, побывавший в Убыхии непосредственно после эмиграции населения в Турцию, оставил беглое описание дома Хаджи-Бабуко Берзека в селении его же имени. «В ряду хижин <...>, — говорит он, — возвышается новый, двухэтажный деревянный дом с тесовой крышею <...> в верхнем этаже <...> находились комнаты князя (так он именуется Хаджи-Бабуко. — Л.Л.) оклеенные дешевыми разнокалиберными обоями; в спальне стояла железная широкая кровать, с балдахином, увенчанная короной. Комнаты освещались окнами, в которые вставлены были рамы со стеклами. Вокруг верхнего этажа устроена галерея; в нижнем — конюшни и кладовая» [109, № 101].

О других хозяйственных постройках мы почти ничего не знаем. И.О. Орехов лишь мимоходом указывает, что убыхи «хлебные амбары утверждали обыкновенно на столбах негноя» [115, № 11, с. 174]. В другом месте он уже упоминает «овечий загон, выстроенный из тесу и тесом крытый» [115, № 12, с. 351]. Этим и исчерпываются все наши сведения о подсобных постройках убыхов.

Все приведенные нами данные о типах населенных мест, дворах, жилищах и хозяйственных постройках не позволяют сделать вывод о наличии у убыхов чего-то специфического, отличного от соответствующих видов материальной культуры черкесов и абхазов. Разбросанность дворов была характерна для всего побережья. Огораживание частоколом до сих пор распространено в Шапсугии и Абхазии. Турлучные дома с тесовой или дранковой крышей, с глиняным полом, навес перед домом, очаг — все это также является типичным для Шапсуги и Абхазии. Там же встречаются как одноэтажные, так и двухэтажные дома. Полную тождественность абхазским и черкесским представляют и указанные нами амбары и загоны.

Занятия

Население Убыхии занималось, главным образом, скотоводством, земледелием и садоводством (в том числе виноградарством). Подсобную роль играли: пчеловодство, охота и разные ремесла. Я.Н. Раенко-Туранский совершенно неосновательно считал главным занятием убыхов охоту и торговлю [126, с. 20].

По условиям местности, земледелием занимались больше на побережье. На побережье «не видишь ни одного клокка земли, доступного к обработке, который оставался бы в запущении. Горы, изрезанные до са-